

ПОКА ГОРОД СПИТ

АЛИСИЯ РОУДЕН

А. Роуден

Пока город спит

«Автор»

2026

Роуден А.

Пока город спит / А. Роуден — «Автор», 2026

Есть ночи, которые меняют всё. И есть места, куда возвращаются не за тем, чтобы уехать, а чтобы узнать правду. Елена давно научилась жить с прошлым, которое предпочла бы забыть. Но однажды её приводит на заснеженный вокзал тайна, уходящая корнями в детство. Здесь часы показывают невозможное время, поезда увозят не только в другие города, а воспоминания оказываются куда опаснее любых сновидений. Пытаясь разобраться в собственной жизни, Елена сталкивается с людьми, которые помнят её иначе, с семейными секретами, хранившимися десятилетиями, и с женщиной, чьё существование невозможно объяснить. Кто она — чужая судьба, отражение или та, кем Елена могла бы стать? Чтобы найти ответы, придётся заглянуть туда, где прошлое не отпускает живых, а каждый выбор имеет цену. «Пока город спит» — мистическая история о памяти, любви и вине, о хрупкости человеческой личности и о том, что иногда самое трудное — не вернуть утраченное, а позволить себе жить дальше.

© Роуден А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Пролог. Женщина, которая никуда не уехала	5
Глава первая. Чужая память	14
Глава вторая. Та, что вернулась	24
Глава третья. Билет в один конец	37
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Пока город спит

Глава

Пролог. Женщина, которая никуда не уехала

В три часа семнадцать минут ночи Елена впервые за последние двадцать три года подумала о том, что могла бы жить совершенно другой жизнью.

Мысль возникла так неожиданно, что она даже оторвалась от экрана монитора.

За окном шёл снег. Не тот красивый снег, который показывают в рождественских фильмах, когда крупные хлопья медленно опускаются на освещённые фонарями улицы, а люди в шерстяных пальто несут домой бумажные пакеты с мандаринами. Нет. Это был северный октябрьский снег — мелкий, колючий, злой. Он летел почти горизонтально, бился о стёкла и тут же исчезал, будто город не соглашался принимать даже его.

Елена посмотрела на часы, потом на кружку с чаем.

Чай остыл.

Она почему-то всегда замечала это слишком поздно.

На столе лежали три незакрытых журнала регистрации вызовов, рядом мигал курсор в электронной таблице. В углу экрана висело уведомление о пропущенном звонке от начальника смены. Под столом тихо гудел обогреватель, пахло пылью и старым линолеумом.

Обычная ночь. Обычная работа. Обычная жизнь.

В сорок два года Елена научилась ценить слово «обычная». В нём было что-то надёжное, почти осязаемое. Обычная жизнь не задавала лишних вопросов. Она не требовала смелости, не заставляла выбирать между тем, что хочется, и тем, что правильно. В обычной жизни всё давно распределено по местам: работа, дом, семья, обязательства. Даже усталость имела своё расписание.

Утром нужно купить хлеб.

В пятницу перевести деньги матери.

В воскресенье позвонить дочери, хотя та, скорее всего, ответит на ходу, скажет, что всё хорошо, и пообещает перезвонить позже.

Мужу напомнить про кран в ванной.

Записаться к стоматологу.

Не забыть купить корм коту, которого Елена не особенно любила, но который жил в их доме уже девять лет и, кажется, был единственным существом, имевшим право ничего от неё не ждать.

Она открыла ящик стола и достала мятую пачку сигарет.

Курить она бросила семь лет назад. Не потому, что захотела, а потому, что дочери тогда было пятнадцать и та сказала: «Мам, от тебя всё время пахнет пепельницей». Елена бросила на следующий день. Ей понравилось, как удивилась дочь. Понравилось, что она смогла сделать что-то быстро, решительно, без долгих разговоров и обещаний.

Иногда ей казалось, что с тех пор она так и живёт: бросает то, что кому-то мешает, и называет это собственным решением.

Она покрутила пачку в пальцах, потом убрала обратно.

В три часа двадцать одну минуту зазвонил телефон.

Елена не сразу взяла трубку. Ночью звонили редко, а если звонили, то обычно сообщали о каких-нибудь неприятностях, которые потом приходилось долго оформлять в журналах. Она уже знала, каким голосом будет говорить, ещё до того, как нажала кнопку ответа.

— Дежурная служба. Слушаю вас.

В трубке было тихо.

Не совсем тихо — где-то на заднем плане шуршал ветер, слышался металлический скрип, словно раскачивалась незакреплённая вывеска. Потом кто-то шумно вдохнул.

— Алло? — повторила Елена.

— Здравствуйте.

Голос был женский. Молодой, но не настолько, чтобы его можно было уверенно назвать девичьим. В нём звучала странная усталость — не та, что появляется после бессонной ночи, а та, которая копится годами и однажды начинает проступать даже в самых простых словах.

— Что у вас случилось?

— Ничего.

Елена посмотрела на часы.

— Вы позвонили в дежурную службу.

— Да. Я знаю.

— Тогда объясните, пожалуйста, что произошло.

Снова пауза.

— Вы всегда так разговариваете?

Елена нахмурилась.

— Как?

— Будто человек обязан оправдать то, что ему плохо.

Она хотела ответить, что работает здесь не для философских бесед, что на часах три двадцать три и что у неё, между прочим, тоже есть жизнь, в которой хватает неприятностей. Хотела сказать, что если человеку нужна помощь, он должен объяснить, какая именно.

Вместо этого спросила:

— Вам угрожает опасность?

— Нет.

— Вы находитесь на улице?

— Да.

— Вы знаете свой адрес?

Женщина тихо рассмеялась. Смех получился коротким и каким-то испуганным.

— Конечно, знаю. Я здесь живу.

— Где именно?

— Дома.

Елена откинулась на спинку кресла.

— Вы только что сказали, что находитесь на улице.

— Я и нахожусь. Просто это мой дом.

В другой ситуации Елена решила бы, что звонящая пьяна или находится под воздействием чего-то ещё. Она уже слышала самые разные голоса: раздражённые, истеричные, безразличные, надменные. Люди звонили, чтобы пожаловаться на соседей, на шум, на чужую машину у подъезда, на собственную беспомощность. Иногда им действительно требовалась помощь. Иногда — только свидетель, который подтвердит, что они не сошли с ума.

Но в этом голосе не было ничего похожего на привычное ночное отчаяние.

— Послушайте, — сказала Елена, стараясь говорить спокойнее. — Если вы не можете объяснить, что произошло, я не смогу вам помочь.

— А если мне не нужно, чтобы вы помогали?

— Тогда зачем вы позвонили?

Женщина долго молчала.

За окном ветер ударил снегом в стекло. Елена машинально потянулась к кружке, но не стала пить.

— Я хочу кое-что спросить, — наконец произнесла незнакомка.

— Спрашивайте.

— Вы когда-нибудь хотели исчезнуть?

Елена закрыла глаза.

Вот теперь она точно решила, что женщина либо пьяна, либо собирается затеять разговор, который закончится ничем. У неё не было ни сил, ни желания разбираться в чужих метафорах.

— Если вы хотите поговорить с психологом, я могу подсказать, куда обратиться.

— Нет. Мне не нужен психолог.

— Тогда я не понимаю, чем могу помочь.

— Вы могли бы просто не класть трубку.

Елена посмотрела на экран. До конца смены оставалось четыре часа тридцать семь минут. После работы нужно было зайти в магазин, потому что дома закончились молоко и хлеб. Потом добраться до квартиры, разбудить мужа, который опять уснёт перед телевизором, и выслушать рассказ о том, как на работе кто-то не выполнил обещанное. Она кивнёт в нужных местах, приготовит завтрак, хотя сама не будет хотеть есть, и, возможно, даже улыбнётся.

А потом ляжет спать на три часа, потому что днём надо позвонить матери.

Всё это она успела представить, пока женщина ждала ответа.

— Хорошо, — сказала Елена. — Я не кладу трубку.

Незнакомка выдохнула. Так выдыхают люди, которые долго держали дверь плечом и наконец почувствовали, что кто-то придержал её с другой стороны.

— Спасибо.

— Но вы должны мне сказать, если вам угрожает опасность.

— Не угрожает.

— И если вы передумаете...

— Я не собираюсь причинять себе вред, — перебила женщина. — Честное слово. Я просто хочу уйти.

— Откуда?

— Из своей жизни.

Елена посмотрела на собственное отражение в чёрном окне монитора.

Ей вдруг показалось, что она видит себя со стороны: женщина средних лет в дешёвом сером кардигане, с волосами, собранными резинкой, с тенью под глазами и маленькой родинкой возле губы. На шее висит цепочка с золотым крестиком, который подарила мать на тридцатилетие. На пальце — обручальное кольцо, которое она почти никогда не снимает, хотя последние несколько лет оно больше напоминает привычку, чем обещание.

Елена выглядела человеком, который знает, куда идёт.

Это было самое странное.

Она действительно знала. На протяжении двадцати трёх лет она знала, куда идёт, что должна сделать и кому позвонить. Она никогда не опаздывала на работу, не забывала о днях рождения, не оставляла грязную посуду на ночь. Она умела быть надёжной. Ей доверяли ключи, деньги, чужие секреты и детей, которых надо было забрать из школы.

Только никто никогда не спрашивал, хочет ли она сама куда-нибудь идти.

— А вы? — вдруг спросила женщина.

Елена моргнула.

— Что — я?

— Вы когда-нибудь хотели исчезнуть?

— Я уже отвечала на этот вопрос.

— Нет. Вы сказали, чем можете помочь мне. А я спрашиваю про вас.

Елена почувствовала раздражение. Оно было привычным, удобным, как старые домашние тапочки. Раздражение позволяло не замечать, что за ним скрывается.

— Послушайте, я на работе.

— Я знаю.

— У меня есть обязанности.

— Я тоже знаю.

— Вы меня не знаете.

— Знаю.

Елена выпрямилась.

— Что вы сказали?

Но женщина словно не услышала.

— Вы когда-нибудь собирались уехать на поезде? Не просто думали об этом, а купили билет, собрали вещи и решили, что на этот раз действительно уедете?

Елена перестала дышать.

За окном продолжал идти снег. Обогреватель тихо гудел. На соседнем столе мигал зелёный индикатор факса, которым почти никто не пользовался, но который почему-то запрещали отключать.

Мир не изменился ни на секунду.

Изменилось что-то внутри неё.

— Кто вы? — спросила Елена.

Женщина не ответила.

— Откуда вы знаете про поезд?

— Вы тогда всё-таки не уехали.

Это не было вопросом.

Елена медленно положила ручку на стол. Она почувствовала, как холодеют пальцы, хотя в комнате было душно.

Двадцать три года назад она купила билет до Тюмени. Обычный плацкартный билет, нижняя полка, отправление в двадцать два сорок. У неё было двести восемьдесят рублей, небольшая спортивная сумка и письмо, которое она написала матери, но так и не оставила.

Она собиралась уехать одна.

Не потому, что ненавидела родной город. Не потому, что мечтала о красивой жизни. Ей просто казалось, что если она останется, то однажды перестанет чувствовать себя живой.

Тогда ей было девятнадцать.

В тот вечер она дошла до вокзала, села на холодную скамейку и просидела там почти два часа. Потом встала, выбросила билет в урну и вернулась домой.

На следующий день она сказала матери, что передумала.

Через полгода вышла замуж.

Никто никогда не знал о билете. Даже муж. Даже мать, которая впоследствии любила рассказывать, что дочь у неё всегда была разумной девочкой и никогда не совершала глупостей.

— Кто вам рассказал? — повторила Елена.

— Никто.

— Это невозможно.

— Возможно, — сказала женщина. — Просто вы очень давно никому об этом не рассказывали.

Елена хотела возразить, но не смогла подобрать слова.

— Я не понимаю, чего вы от меня хотите.

— Ничего.

— Тогда зачем вы позвонили?

В трубке послышался какой-то глухой звук, словно незнакомка провела ладонью по стене.

— Потому что сегодня я поняла одну вещь.

— Какую?

— Я прожила жизнь, которую сама когда-то выбрала. И всё равно всю дорогу надеялась, что кто-нибудь разрешит мне выбрать другую.

Елена молчала.

— Вы знаете, что самое страшное? — продолжила женщина. — Не то, что мы боимся уехать. И даже не то, что остаёмся. Самое страшное — когда спустя годы ты уже не помнишь, чего именно боялась. Просто живёшь так, словно решение за тебя давно принято.

Елена почувствовала, что хочет попросить её замолчать.

Не потому, что слова были неприятными. Наоборот. Они были слишком похожи на мысли, которые Елена не позволяла себе додумывать до конца.

— Я должна спросить ваше имя, — сказала она, цепляясь за рабочую интонацию. — И адрес. Если вы не собираетесь причинять себе вред, это не означает, что я могу оставить ситуацию без внимания.

— Конечно.

Женщина назвала имя.

Елена не расслышала его. Или не захотела расслышать.

— Повторите, пожалуйста.

Но в трубке уже звучали короткие гудки.

Она ещё несколько секунд держала телефон у уха, словно звонок мог вернуться, если не двигаться.

Потом положила трубку и открыла журнал вызовов.

Последнего звонка не было.

Елена проверила время. Три часа сорок две минуты.

Она посмотрела на телефон, на монитор, на собственные руки. Потом набрала служебный номер и попросила коллегу проверить соединение.

— Какое соединение? — спросил сонный голос.

— Входящий вызов. Примерно в три двадцать.

— Лен, ты чего? Тут за ночь пятьдесят вызовов. Какой именно?

— Мне звонила женщина.

— Ну, женщины нам звонят регулярно.

— Я имею в виду...

Она замолчала.

Как объяснить человеку, что тебе позвонил кто-то, кто знает о твоей жизни то, чего не знаешь даже ты сама?

— Ничего, — сказала Елена. — Забудь.

Она отключилась.

Потом ещё долго сидела, глядя на телефон.

В четыре утра пришло сообщение от мужа.

«Ты хлеб купила?»

Елена прочитала его дважды.

Потом открыла клавиатуру и написала: «Нет».

Посмотрела на слово. Оно показалось ей непривычным. Почти чужим.

Она стёрла его и написала: «Куплю утром».

Отправила.

И только после этого заметила, что плачет.

Не всхлипывает, не закрывает лицо руками, не пытается остановиться. Слезы просто текли по щекам, падали на серый кардиган и оставляли маленькие тёмные пятна.

Елена сидела неподвижно и думала, что завтра ей всё равно придётся купить хлеб.

Домой она вернулась в половине девятого.

В подъезде пахло мокрой одеждой и чьей-то жареной рыбой. На третьем этаже опять перегорела лампочка. Елена поднималась по лестнице медленно, придерживаясь за перила: после ночных смен у неё иногда кружилась голова, особенно если она забывала поесть.

Возле двери квартиры лежала рекламная газета.

Она подняла её, отперла замок и вошла.

Из кухни доносился звук телевизора. Муж смотрел новости, сидя в одних носках за столом. На плите стояла кастрюля с вчерашним супом, рядом лежал раскрытый пакет с сухариками.

— Хлеб купила? — спросил он, не оборачиваясь.

Елена закрыла дверь.

— Нет.

— Ясно.

Он сказал это без упрёка. Именно поэтому ей стало обидно.

Если бы он разозлился, она могла бы ответить. Если бы начал кричать, она могла бы защищаться. Но он просто принял её ответ, как принимают сообщение о погоде, и вернулся к телевизору.

— Ты чего такая? — спросил он через минуту.

— Какая?

— Не знаю. Странная.

Елена сняла куртку и повесила её на крючок.

— Просто не спала.

— Так ляг поспи.

Он снова посмотрел на экран.

И она вдруг поняла, что именно так прошли последние годы. Он не был плохим человеком. Не изменял ей, не бил, не пропадал неделями. Когда у матери случилась операция, он отвёз её в больницу. Когда дочь поступала в университет, помогал собирать документы. Он чинил краны, менял зимнюю резину, помнил, сколько сахара класть в чай.

Он делал всё, что должен был делать хороший муж.

И Елена тоже.

Они оба прекрасно справлялись с обязанностями.

Только между ними давно не происходило ничего, что нельзя было бы внести в список дел.

Она прошла в спальню, разделась и легла поверх покрывала. Заснуть не получалось. За стеной бормотал телевизор, на кухне звякнула ложка, потом муж кашлянул.

Елена закрыла глаза.

Перед ней снова возник вокзал двадцатитрёхлетней давности.

Она помнила не сам поезд, а свои ботинки. Коричневые, дешёвые, с треснувшей подошвой. Помнила, как снег набивался под воротник пальто. Помнила бумажный билет, сложенный пополам, и запах железнодорожного туалета.

А ещё помнила мужчину, который сидел напротив неё на скамейке.

Она почти забыла его лицо.

Он был старше её, наверное, лет на тридцать. В серой шапке, с маленькой сумкой у ног. Они не разговаривали. Просто сидели рядом, пока по громкой связи объявляли отправление поездов.

Перед самым уходом он посмотрел на неё и сказал:

«Если не сядешь в этот, потом будешь ждать другого».

Тогда Елена рассердилась. Решила, что старик лезет не в своё дело. Она вообще ненавидела, когда незнакомые люди пытались давать ей советы.

Теперь, спустя двадцать три года, она уже не помнила, уехал ли он сам.
Но почему-то впервые задумалась о том, сколько поездов прошло через её жизнь с тех пор.

Сколько раз она говорила себе, что не время.

Сначала нужно закончить учёбу.

Потом найти работу.

Потом помочь матери.

Потом родить ребёнка.

Потом дожидаться, когда дочь подрастёт.

Потом выплатить кредит.

Потом накопить денег.

Потом станет легче.

Елена открыла глаза.

На тумбочке лежал её телефон. Она взяла его, открыла заметки и написала:

«Если бы я могла начать сначала, я бы...»

Остановилась.

Курсор мигал в конце строки.

Елена ждала, что слова появятся сами собой, как это бывало раньше, когда она вела дневник. В девятнадцать лет ей казалось, что внутри неё живёт целый мир, который однажды обязательно найдёт выход. Она записывала фразы на полях учебников, придумывала истории о незнакомых людях, которые встречались ей в автобусах, и мечтала уехать туда, где никто не знал бы её имени.

Потом она перестала писать.

Сначала не хватало времени.

Потом стало неловко.

Потом она однажды перечитала старые записи и рассмеялась: какая же глупая, оказывается, была девчонка.

Она удалила строку.

Положила телефон обратно.

И почти уснула, когда услышала, как муж вошёл в спальню.

— Лен, ты спишь?

— Нет.

— Тут тебе письмо пришло.

Она открыла глаза.

— Какое письмо?

— Не знаю. В ящике лежало. Я занёс.

Он положил на тумбочку белый конверт.

Обычный, без марки и обратного адреса. Елена сразу заметила, что её имя написано от руки.

Не «Елене».

Не «Елене Сергеевне».

Просто: «Лене».

Так называл её только один человек.

Она села на кровати.

— Кто принёс?

— Откуда я знаю? Я спал.

Муж вышел, оставив дверь открытой.

Елена взяла конверт. Бумага была плотной, немного шероховатой. На обороте не было ни подписи, ни печати. Она провела пальцем по краю, разорвала клапан и достала фотографию.

На ней была женщина.

Она стояла на перроне, отвернувшись от камеры. На ней было длинное тёмное пальто, волосы собраны на затылке. Рядом виднелся вагон поезда, а за спиной — табло с расписанием.

Елена перевернула фотографию.

На обороте стояла дата.

Двадцать третье октября, двадцать три года назад.

Руки у неё стали холодными.

Это был тот самый вокзал.

Тот самый вечер.

Она узнала даже скамейку у стены, на которой сидела до тех пор, пока не выбросила билет.

Но фотография была сделана с противоположной стороны перрона.

И женщина на ней...

Елена поднесла снимок ближе к лицу.

Это была она сама.

Не нынешняя Елена с усталым лицом и тонкой складкой между бровями, а та, девятнадцатилетняя. С длинными волосами, в слишком большом пальто, которое мать купила ей на вырост. Она стояла возле вагона и держала в руке небольшую спортивную сумку.

Она смотрела прямо в объектив.

И улыбалась.

Елена не помнила, чтобы в тот вечер кто-нибудь её фотографировал.

Под снимком лежал лист бумаги.

На нём было всего две строки.

«Вы ведь тоже когда-то собирались уехать.

Что вас остановило?»

Елена перечитала записку.

Потом ещё раз.

И ещё.

За окном медленно светлело. Город просыпался: где-то хлопнула дверь подъезда, завёлся автомобиль, сосед сверху включил воду. В квартире пахло вчерашним супом и стиральным порошком.

Всё было на своих местах.

Кроме неё.

Она перевернула фотографию и снова посмотрела на дату.

Двадцать третье октября.

До этой минуты Елена была уверена, что в тот вечер не села на поезд.

Но фотография доказывала, что в какой-то момент она всё-таки стояла у вагона.

И если память не лгала ей окончательно, если она не перепутала собственную жизнь с чужой историей, то оставался один вопрос.

Кто сделал этот снимок?

И почему на нём была женщина, которая, как Елена точно знала, никуда не уехала?

Она перевернула лист бумаги.

На обратной стороне, почти у самого края, мелким почерком было дописано ещё одно предложение.

«В этот раз постарайтесь вспомнить, что произошло после отправления».

Елена замерла.

Потому что она помнила тот вечер.

Помнила билет.

Помнила холодную скамейку, шум поезда и дорогу домой.

Но теперь, впервые за двадцать три года, она вдруг поняла одну страшную вещь.
Она не помнила, как вернулась домой.

Глава первая. Чужая память

Елена трижды проверила замок входной двери, прежде чем вышла из квартиры.

Первый раз — по привычке. Второй — потому что муж крикнул из кухни, что она забыла выключить свет в ванной. Третий — потому что уже спустилась на один этаж и вдруг не смогла вспомнить, повернула ли ключ.

Она стояла на лестничной площадке, держа в одной руке сумку, а в другой — фотографию, которую всё утро носила с собой.

На снимке девятнадцатилетняя Елена улыбалась так, как давно не улыбалась взрослая Елена. Не вежливо, не для кого-то, не потому, что от неё ждали именно этого выражения лица. Улыбка была широкой, почти вызывающей. В ней чувствовалась какая-то безрассудная уверенность, словно девушка на фотографии знала о жизни нечто такое, чего остальные ещё не успели понять.

Елена ненавидела эту улыбку.

Нет, не ненавидела. Она просто не могла на неё смотреть.

В девятнадцать лет она была уверена, что станет кем-то другим. Не знаменитой писательницей, не путешественницей, не богатой женщиной, которая покупает билеты в любую точку мира, не заглядывая в банковское приложение. Ей не нужны были ни роскошь, ни признание.

Она хотела жить так, чтобы хотя бы иногда просыпаться по собственной воле.

В те годы это казалось ей вполне достижимым.

Теперь, стоя на лестничной площадке, она с трудом вспоминала, когда в последний раз просыпалась с ощущением, что впереди её ждёт что-то хорошее.

Не что-то полезное. Не что-то необходимое. Именно хорошее.

Елена убрала фотографию в сумку и спустилась вниз.

На улице было светло, но солнце не показывалось. Низкое небо затянули облака, над дорогой висела мутная снежная пыль. В лужах плавали окурки и жёлтые листья, возле магазина женщина в пуховике пыталась усадить ребёнка в коляску, а водитель маршрутки ругался с кем-то по телефону.

Город выглядел так, словно его никто не любил, но все по-прежнему продолжали здесь жить.

Елена дошла до остановки и встала под козырьком.

Она могла бы поехать в полицию. Могла бы отнести фотографию на работу и попросить проверить, откуда поступил ночной звонок. Могла бы позвонить матери и спросить, помнит ли та что-нибудь необычное о двадцать третьем октября двадцать три года назад.

Но для каждого из этих действий требовалось объяснение.

А объяснения у неё не было.

Как сказать: «Здравствуйте, мне кажется, я забыла часть собственной жизни»?

Даже если произнести это с совершенно серьёзным лицом, собеседник сначала посмотрит на тебя с жалостью, потом начнёт задавать вопросы, а в конце посоветует выспаться.

Елена и сама посоветовала бы выспаться.

В конце концов, она работала ночами, спала урывками, последние несколько недель почти не ела по утрам. На работе был аврал, у матери снова болела спина, дочь сообщила, что собирается съезжаться со своим молодым человеком, а муж уже третий день ходил по квартире с таким выражением лица, будто Елена лично испортила ему жизнь тем, что не купила нормальный чай.

Мало ли что могло привидеться уставшему человеку.

Вот только фотография никуда не исчезала.

Автобус подошёл с опозданием на семь минут. Елена села у окна, прижала сумку к коленям и всю дорогу смотрела на дома.

На третьей остановке вошла пожилая женщина с двумя тяжёлыми пакетами. Елена сразу поднялась, уступая ей место.

— Спасибо, доченька.

— Не за что.

Женщина уселась, тяжело дыша, и поставила пакеты между ног.

Елена осталась стоять у поручня.

«Доченька».

Слово было произнесено совершенно обыкновенно, без всякого особого смысла. И всё же оно задело Елену сильнее, чем должно было.

Она вдруг вспомнила, как мать называла её так в детстве, когда они возвращались из магазина. Тогда Елена шла рядом, стараясь попасть ногами в каждую вторую плитку тротуара, а мать несла авоську с картошкой и хлебом. Если дочь начинала капризничать, мать не ругалась. Просто говорила: «Ну что ты, доченька», и почему-то этого было достаточно.

Когда всё изменилось?

Не тогда, когда мать стала стареть. Не после отцовских похорон. Не после того, как Елена вышла замуж и переехала в другую квартиру.

Наверное, всё менялось постепенно. В какой-то момент забота перестала быть чем-то, что ты даришь по собственному желанию, и превратилась в обязанность, которую нельзя отменить, не почувствовав себя виноватым.

Елена не помнила, когда именно это произошло.

Она вообще слишком много чего не помнила.

В отделе было шумно.

Кто-то спорил из-за неправильно заполненного журнала, принтер заедал, в коридоре пахло дешёвым кофе. На доске объявлений висел календарь с изображением горного озера, хотя никто из сотрудников не был в отпуске уже несколько месяцев.

Елена сняла пальто, повесила его на спинку стула и включила компьютер.

— О, живая, — сказала Марина, появившись в дверях. — Я уж думала, ты сегодня вообще не придёшь.

Марина работала с Еленой двенадцать лет. Она была старше на четыре года, красила волосы в рыжий, носила большие серьги и могла за пять минут рассказать о чужой семейной жизни больше, чем некоторые люди знали о собственной.

— Почему не приду?

— Да ты вчера в трубку как-то странно отвечала. Я тебе звонила после смены, хотела узнать, не подменишь ли меня в субботу.

Елена посмотрела на неё.

— Ты мне звонила?

— Ну да. Два раза.

— Я не помню.

Марина прищурилась.

— Лен, ты меня пугаешь.

— Просто устала.

— Все устали. Я вчера домой пришла, а у меня муж опять купил не тот корм собаке. Предлагаешь? Я ему список написала, фотографию упаковки отправила, ещё голосовое записала. Он всё равно принёс другой. И ведь не специально. Он вообще не умеет читать то, что написано дальше первой строчки.

Она рассмеялась, сама довольная собственной историей.

Елена улыбнулась из вежливости.

— Слушай, — продолжила Марина, присаживаясь на край стола, — а ты чего такая бледная? Случилось что-то?

Вот он, момент.

Елена могла достать фотографию. Показать записку. Рассказать о ночном звонке и спросить, случалось ли с Мариной такое, что прошлое вдруг начинало вести себя так, словно оно ещё не закончилось.

Но она представила лицо коллеги, её широко раскрытые глаза, паузу, после которой обязательно последует: «А ты уверена, что это не шутка?» Потом начнутся предположения, звонки знакомым, советы обратиться к врачу.

И Елена снова окажется в положении человека, который должен доказывать, что с ним произошло нечто странное, прежде чем ему разрешат испугаться.

— Ничего, — ответила она. — Плохо спала.

Марина покачала головой.

— Тебе надо в отпуск. Серьёзно. Ты всё время работаешь, а потом удивляешься, что у тебя сил нет. Вот я мужу говорю: если не начну жить для себя, никто мне эту жизнь не принесёт на блюде. Надо хоть иногда себя баловать.

— И как ты себя балуешь?

— Вчера купила сапоги.

— Ты же говорила, что у тебя кредитка почти на пределе.

— Ну и что? Сапоги-то хорошие.

Марина прыгнула со стола, поправила блузку и пошла к двери.

— Ладно, не буду отвлекать. Если что, я в соседнем кабинете. И, Лен, правда, не загоняй себя. Ты у нас одна.

Елена посмотрела ей вслед.

Эту фразу она слышала десятки раз.

«Ты у нас одна».

Обычно так говорили, когда просили о чём-нибудь. Подменить смену. Забрать документы. Позвонить человеку, который почему-то не отвечал на звонки других. Съездить к матери, потому что больше никому.

Иногда ей хотелось ответить, что она не одна. Что у неё есть муж, дочь, мать, коллеги. Что у каждого из них есть телефон, ноги и собственная голова.

Но она никогда так не говорила.

Потому что знала: Марина тоже не просто так работает в выходные. У неё самой были причины. У всех были причины.

Люди редко перекладывают на других свою жизнь намеренно. Чаще они просто привыкают, что кто-то рядом всегда справится.

А потом однажды оказывается, что этот человек не умеет отказывать даже тогда, когда уже не может поднять собственную сумку.

Елена открыла электронный журнал и попыталась сосредоточиться на работе.

В половине одиннадцатого она проверила телефон.

Никаких новых сообщений.

В одиннадцать — снова.

Ничего.

К полудню она начала злиться на себя. На незнакомую женщину, на человека, который прислал фотографию, на собственную память, которая вдруг решила превратиться в дурную шутку.

Ей хотелось, чтобы кто-нибудь объяснил происходящее. Не обязательно правдоподобно. Достаточно было бы просто сказать: «Вот что случилось, вот почему ты этого не помнишь, теперь можешь возвращаться к своим делам».

Она бы согласилась почти на любое объяснение.

К тому времени, когда часы показали двенадцать сорок, Елена решила позвонить матери.

— Мам, ты помнишь, что было двадцать третьего октября девяносто третьего года?

На другом конце провода что-то звякнуло.

— Чего?

— Двадцать третьего октября. Девяносто третьего года.

— Лена, я не календарь.

Мать говорила сердито. Она всегда сердилась, когда её спрашивали о том, чего она не могла сразу вспомнить. С возрастом это стало происходить чаще, и теперь Елена старалась задавать вопросы осторожно, будто разговаривала с человеком, которого легко спугнуть.

— Я просто хочу кое-что узнать.

— А что случилось?

— Ничего. Помнишь тот год?

— Какой?

— Девяносто третий.

— Конечно, помню. Отец твой тогда ещё работал. Мы квартиру меняли, помнишь? Ты в техникум поступила. Или это позже было?

Елена закрыла глаза.

— Мам, я хочу спросить про осень.

— Какая осень?

— Двадцать третье октября.

На этот раз пауза оказалась длиннее.

— А что именно?

Елена посмотрела на дверь кабинета. В коридоре кто-то громко смеялся.

— Я тогда хотела уехать.

— Куда?

— В Тюмень.

— Ты много куда хотела уехать.

Мать произнесла это с такой уверенностью, что Елена на секунду усомнилась в собственных воспоминаниях.

— Ты помнишь, что я собирала вещи?

— Нет.

— Я купила билет.

— Лен, ты чего выдумываешь? Если бы ты купила билет, я бы знала.

— Не обязательно.

— Что значит «не обязательно»? Ты тогда жила со мной. Ты куда собралась бы без моего ведома?

Елена почувствовала знакомую тяжесть в груди.

Вот оно. Даже спустя двадцать три года всё происходило так же. Она говорила, что хотела сделать что-то сама, а мать отвечала, что без неё это было невозможно.

— Мам, я была взрослой.

— В девятнадцать лет? — фыркнула мать. — Да ты в девятнадцать лет ещё ребёнком была. Сама себе завтрак приготовить не могла, всё на бегу. Я тебе сколько раз говорила: сначала надо думать, потом делать.

Елена стиснула телефон.

— Я не спрашиваю, что ты мне говорила. Я спрашиваю, помнишь ли ты тот вечер.

— Нет, не помню. А что с ним не так?

Елена хотела сказать правду.

Хотела рассказать о фотографии, на которой она стояла возле вагона, о записке, о женщине, чей голос до сих пор звучал у неё в голове. Но мать уже начала говорить о другом: у неё снова закончились таблетки, в аптеке подняли цену, соседка по лестничной площадке обещала зайти и не пришла.

Елена слушала, задавала уточняющие вопросы, обещала перевести деньги.

Когда разговор закончился, она ещё несколько секунд держала телефон у уха.

Потом открыла сумку и достала фотографию.

Она положила её на стол, разгладила загнутый уголок и посмотрела на молодую женщину.

Теперь Елена заметила одну деталь, которую не разглядела утром.

На заднем плане, возле двери вагона, стоял мужчина.

Серое пальто. Тёмная шапка. Небольшая сумка у ног.

Тот самый человек со скамейки.

Елена почувствовала, как по спине пробежал холодок.

Она увеличила снимок на телефоне, сделала фотографию фотографии, попыталась рассмотреть лицо мужчины.

Изображение распадалось на мелкие квадраты. Черты были нечёткими, но кое-что всё-таки можно было различить: высокий лоб, прямой нос, рука, лежащая на дверной ручке вагона.

И ещё — взгляд.

Мужчина смотрел не на фотографа.

Он смотрел на Елену.

Так, словно знал её.

Так, словно ждал, когда она наконец заметит его присутствие.

— Лен?

Она вздрогнула.

В дверях стоял начальник смены, Виктор Павлович. Он был невысоким, полным мужчиной с постоянно красным лицом и голосом, который одинаково хорошо подходил и для выговора, и для поздравления с Новым годом.

— Ты чего застыла?

Елена быстро убрала фотографию.

— Ничего. Задумалась.

— Я тебе письмо на почту отправил. По поводу графика на следующий месяц. Посмотришь сегодня?

— Конечно.

Он помолчал, глядя на неё с подозрением.

— Ты только это... Если плохо себя чувствуешь, скажи. Нам тут обмороков не хватало.

— Всё нормально.

Виктор Павлович кивнул и ушёл.

Елена дождалась, пока его шаги затихнут в коридоре, и снова достала снимок.

Она не могла объяснить, почему мужчина казался ей знакомым. Она не помнила его имени, не помнила, где могла видеть его раньше. Но стоило посмотреть на фотографию, как внутри возникало странное ощущение — не узнавания даже, а чего-то более глубокого.

Будто она не вспоминала этого человека, а пыталась забыть.

В два часа дня Елена вышла из здания и направилась в ближайшее кафе.

Она почти не ела с утра, но теперь, когда перед ней поставили тарелку с супом, не смогла проглотить и ложки. Ей хотелось побыть одной, хотя обычно она старалась не оставаться наедине с собственными мыслями слишком надолго.

Одиночество, как выяснилось, бывает разным.

Можно сидеть в пустой комнате и чувствовать себя спокойно.

А можно сидеть за столиком среди людей, слышать звон посуды, чужие разговоры, смех, скрип стульев — и ощущать, что весь мир существует где-то по другую сторону толстого стекла.

Елена достала телефон и открыла поиск.

«Железнодорожный вокзал Нижневартовск 1993 год фотографии».

Результаты оказались почти бесполезными. Несколько старых статей, архивные снимки, фотографии современного здания. Она перешла на сайт городского архива, нашла электронную почту и начала писать запрос.

Потом остановилась.

Что именно она собиралась спросить?

Есть ли у них фотография незнакомой женщины, которая двадцать три года назад стояла у поезда и, возможно, собиралась уехать, но почему-то не уехала?

Елена закрыла письмо.

В этот момент телефон завибрировал.

Номер был незнакомым.

Она ответила не сразу.

— Алло?

— Елена Сергеевна?

Мужской голос. Спокойный, немного хриплый.

— Да. Кто это?

— Меня зовут Андрей Михайлович. Я звоню по поводу вашей матери.

Елена выпрямилась.

— Что с ней?

— Ничего критического. Не волнуйтесь. Ваша мама сегодня была у нас в поликлинике, оставила документы. Мы не можем дозвониться до неё, а в анкете указан ваш номер.

— Какая поликлиника?

Мужчина назвал адрес.

Елена знала это место. Мать действительно ходила туда к неврологу.

— И что за документы?

— Простите, я, кажется, неправильно выразился. Документы она забрала. Но оставила кое-что другое.

— Что именно?

Мужчина замолчал.

Елена посмотрела на экран. Связь не прерывалась.

— Андрей Михайлович?

— Да. Вы можете приехать?

— Зачем?

— Тут такое дело... Ваша мама оставила у нас фотографию. Сказала передать её вам, если вы когда-нибудь придёте.

Елена почувствовала, как пальцы сами собой сжали телефон.

— Какую фотографию?

— Старую. Железнодорожный вокзал. Девушка возле поезда.

Она перестала слышать шум кафе.

— Кто вам дал мой номер?

— Ваша мама.

— Когда?

— Сегодня утром.

Елена молчала.

— Елена Сергеевна, вы меня слышите?

— Да.

— Вы сможете подъехать?

Она посмотрела на фотографию, лежавшую на столе.

На ней была она сама.

Девятнадцатилетняя Елена.

И мужчина в сером пальто, который смотрел на неё так, словно знал, что произойдёт дальше.

— Да, — сказала она. — Я приеду.

— Хорошо. Только, пожалуйста, никому пока не рассказывайте об этом.

Елена нахмурилась.

— Почему?

— Так попросила ваша мама.

— Что именно она сказала?

Мужчина тяжело вздохнул.

— Она сказала: «Если Лена спросит, откуда фотография, скажите, что я ничего не помню».

Елена медленно опустила телефон.

На улице за окном кафе проехал автобус. Люди торопились по своим делам, кто-то тащил за собой чемодан, мальчик в красной шапке прыгал через лужи. Мир продолжал жить, не подозревая, что для неё только что изменилось прошлое.

Елена снова посмотрела на фотографию.

Она всегда считала, что мать была единственным человеком, который знал её по-настоящему.

Оказывается, возможно, именно мать и была тем человеком, который знал о ней больше всех и молчал.

И теперь, впервые за много лет, Елена поняла, что боится не узнать правду.

Она боится, что правда окажется знакомой.

Что всё это время она жила рядом с ней, завтракала за одним столом, звонила ей по воскресеньям, переводила деньги на лекарства.

И ни разу не догадалась спросить.

К поликлинике она добралась через сорок минут.

Внутри пахло мокрой одеждой, антисептиком и старой мебелью. В коридоре сидели люди, каждый со своей усталостью. Женщина в пуховом платке держала на коленях пакет с анализами. Мужчина в спортивном костюме спал, запрокинув голову. Маленькая девочка рассматривала трещину на стене и водила по ней пальцем, словно пыталась найти дорогу наружу.

Елена подошла к регистратуре.

— Здравствуйте. Мне звонил Андрей Михайлович.

Медсестра посмотрела на неё поверх очков.

— Кабинет двести четырнадцать. По коридору направо, потом налево.

— Спасибо.

Дверь кабинета оказалась приоткрыта.

За столом сидел мужчина лет пятидесяти в белом халате. Он поднял голову, когда Елена постучала.

— Елена Сергеевна?

— Да.

— Проходите. Садитесь.

Она села напротив.

Мужчина открыл нижний ящик стола, достал конверт и положил перед ней.

Тот же самый белый конверт.

Елена не прикоснулась к нему.

— Это ваша мама передала?

— Да.

— Когда?

— Сегодня утром. Она была здесь на приёме, потом вернулась через полчаса и попросила оставить у меня.

— Почему у вас?

Андрей Михайлович пожал плечами.

— Мы знакомы давно. Я лечил вашего отца.

Елена посмотрела на него внимательнее.

— Вы знали моего отца?

— Конечно.

— Но я вас не помню.

— Вы тогда были совсем молодой.

Он сказал это без всякой обиды. Как будто давно привык, что люди забывают друг друга, а потом удивляются, когда выясняется, что их жизни когда-то пересекались.

Елена взяла конверт.

Внутри лежала ещё одна фотография.

На этот раз снимок был сделан в помещении. На нём стояли трое: её мать, отец и незнакомый мужчина в сером пальто.

Елена узнала родителей сразу.

Отец был моложе, чем она помнила его в последние годы жизни. Улыбался, обнимая мать за плечи. Мать смотрела в камеру с выражением, которое Елена видела на старых семейных фотографиях: спокойная, уверенная, немного уставшая.

А между ними стоял тот самый мужчина.

Тот, что был на вокзале.

Елена перевернула фотографию.

На обороте почерком матери было написано:

«Он обещал, что ты никогда не узнаешь».

Елена почувствовала, как земля уходит из-под ног.

— Кто это? — спросила она.

Андрей Михайлович не ответил сразу.

Он снял очки, протёр их краем халата и посмотрел на неё так, как смотрят на человека, которому собираются сообщить что-то неприятное.

— Елена Сергеевна, я не знаю, что именно вам рассказала ваша мама. Но я думаю, вам следует поговорить с ней.

— Она ничего мне не рассказывала.

— Тогда, наверное, пришло время.

Елена встала.

— Я не понимаю, что происходит.

— Я тоже не всё понимаю, — тихо сказал он. — Но есть вещи, которые лучше узнать от родных.

— От каких родных?

Мужчина отвёл взгляд.

И в этой короткой паузе Елена услышала ответ раньше, чем он произнёс его.

— Ваш отец, — сказал Андрей Михайлович, — был не единственным человеком, который знал, что вы собираетесь уехать в ту ночь.

Елена медленно опустилась обратно на стул.

— Кто ещё знал?

Мужчина посмотрел на дверь, будто проверял, не стоит ли кто-нибудь в коридоре.

— Тот человек на фотографии.

— Кто он?

Андрей Михайлович снова замолчал.

Потом произнёс имя.

Имя, которое Елена не слышала двадцать три года.

Имя, которое она не могла помнить.

Потому что этот человек умер за три месяца до её рождения.

В тот вечер Елена впервые за много лет не поехала домой сразу после работы.

Она долго сидела в машине на парковке, хотя двигателя не было смысла заводить: бензина оставалось мало, а заправка находилась в другом конце города. Снег постепенно превращался в воду, стекающую по стеклу тонкими кривыми линиями.

Она смотрела на свои руки.

На левом безымянном пальце белела полоска кожи там, где обычно лежало обручальное кольцо. Она сняла его ещё в поликлинике и с тех пор держала в кармане пальто.

Не потому, что собиралась развестись.

Просто ей хотелось проверить, каково это — хотя бы несколько часов ничего не носить на себе из того, что однажды надела по собственной воле.

Она достала телефон.

Открыла контакты.

Нашла номер матери.

Нажала вызов.

Гудки шли долго.

Потом мать ответила.

— Да, Лен?

Елена закрыла глаза.

Она могла бы спросить о фотографии. О мужчине в сером пальто. О том, почему мать передала конверт через незнакомого врача. Могла бы потребовать объяснений, накричать, сказать, что больше не собирается участвовать в чужих тайнах.

Но в голове возникло другое воспоминание.

Мать стоит у плиты, молодая, ещё без седых волос. За окном весна, по подоконнику ползёт солнечный зайчик. Елена сидит за столом и пишет что-то в тетради.

«Мам, а ты счастлива?»

Мать даже не оборачивается.

«Конечно, доченька. У меня же ты есть».

Тогда Елена поверила ей.

Теперь она не знала, что страшнее: если мать действительно была счастлива или если всю жизнь говорила неправду, потому что не могла признаться даже себе.

— Мам, — сказала Елена. — Нам нужно поговорить.

— О чём?

— О том, что произошло двадцать третьего октября девяносто третьего года.

На другом конце провода стало тихо.

Потом мать спросила:

— Ты нашла фотографию?

Елена перестала дышать.

— Какую?

— Лен, не надо.

— Ты знала, что мне её передадут?

Мать всхлипнула. Тихо, почти неслышно.

— Я думала, ты никогда не вспомнишь.

Елена почувствовала, как по щекам снова потекли слёзы.

— Что я должна вспомнить?

Мать долго молчала.

А потом сказала то, после чего Елена уже не могла вернуться к прежней жизни.

— Ты уехала, Леночка.

Елена сжала телефон.

— Что?

— В ту ночь. Ты села на поезд.

— Нет.

— Да.

— Я вернулась домой.

— Нет, — прошептала мать. — Домой вернулась не ты.

Елена смотрела на мокрое лобовое стекло.

Вокруг проезжали машины, люди выходили из магазинов, кто-то смеялся, кто-то ругался по телефону. На соседней парковке мужчина складывал в багажник пакеты с продуктами.

Всё было так обыкновенно, что это казалось жестоким.

— Мам, — сказала Елена. — Объясни мне.

Но мать уже плакала.

— Прости меня.

— За что?

— За то, что я позволила тебе вернуться.

Елена не сразу поняла смысл этих слов.

А когда поняла, стало поздно задавать следующий вопрос.

Связь оборвалась.

На экране появилось уведомление о пропущенном вызове.

Елена посмотрела на него, потом на фотографию, лежавшую рядом на пассажирском сиденье.

Мужчина в сером пальто по-прежнему стоял между её родителями.

И теперь она знала, что у него было имя.

Она знала, что он умер до её рождения.

И она знала, что двадцать три года назад села на поезд.

Но если всё это правда, то кто же тогда вернулся домой?

Елена завела двигатель.

Ей нужно было увидеть мать.

И на этот раз она не собиралась ждать, пока кто-нибудь разрешит ей задать вопросы.

Глава вторая. Та, что вернулась

До материнского дома Елена добралась за двадцать семь минут.

Она знала дорогу наизусть. Два светофора, перекрёсток возле старого универмага, поворот мимо аптеки, где мать покупала лекарства со скидкой по пенсионному удостоверению. Потом длинный двор с покосившимися качелями, детской площадкой и топодем, который каждую весну осыпал соседские балконы белым пухом.

Всё было знакомо до тошноты.

Елена остановила машину у подъезда, но выходить не спешила.

В окне кухни горел свет. На подоконнике стоял тот самый фикус, который отец привёз из командировки ещё в начале девяностых. Растение пережило три переезда, два ремонта и смерть хозяина. Мать несколько раз собиралась его выбросить, но каждый раз говорила, что жалко: ведь растёт.

Елена смотрела на освещённое окно и пыталась представить, что произойдёт, когда она поднимется наверх.

Мать откроет дверь. Возможно, заплачет. Возможно, начнёт объяснять, что всё было не так, как кажется. Потом предложит чай, потому что в их семье чай всегда появлялся раньше правды. Даже в самые тяжёлые дни мать сначала ставила чайник, доставала из буфета чашки с золотистой каёмкой и только потом спрашивала, что случилось.

Елена вдруг вспомнила, как в детстве разбила коленку, упав с велосипеда. Она прибежала домой в крови, с содранной кожей и грязными ладонями. Мать посадила её на табурет, промыла рану, приклеила пластырь и сказала, что ничего страшного не произошло.

Елена тогда поверила.

Теперь ей хотелось спросить: а если страшное всё-таки произошло, можно ли прожить с ним всю жизнь и ни разу не посмотреть ему в лицо?

Она выключила двигатель.

В подъезде пахло сыростью и кошачьим кормом. Лампочка на первом этаже мигала, из квартиры напротив доносились звуки какого-то телевизионного шоу. На третьем этаже кто-то оставил у двери пакет с мусором.

Елена поднялась на четвёртый, остановилась перед знакомой дверью и нажала на звонок.

Мать открыла почти сразу.

Она была в домашнем халате, с заколотыми на затылке волосами. На ногах — старые тапочки с оторванными помпонами. Лицо выглядело уставшим, но не испуганным.

Это удивило Елену больше всего.

Она ожидала увидеть человека, которого застали врасплох. Того, кто до последней секунды надеялся, что разговор не состоится.

Но мать смотрела на неё так, словно ждала этого визита весь день.

— Заходи, — сказала она.

Елена не двинулась с места.

— Ты знала, что я приеду?

— Догадывалась.

— Почему не позвонила сама?

Мать отступила, пропуская её в квартиру.

— Потому что не знала, что тебе сказать.

— А сейчас знаешь?

Мать ничего не ответила.

Елена вошла.

В прихожей висело отцовское пальто. Старое, тёмно-коричневое, с потёртыми локтями. Его не носили много лет, но мать никак не соглашалась убрать его в шкаф. Когда Елена однажды предложила отдать пальто кому-нибудь, мать сказала, что оно ещё хорошее.

Возможно, так и было.

Вещи вообще редко умирают одновременно с людьми. Они продолжают висеть на крючках, лежать в ящиках, занимать место в шкафах. Их можно передать кому-то, выбросить, забыть. Но иногда они остаются в квартире дольше, чем любые воспоминания, словно ждут, когда хозяин наконец вернётся.

Елена сняла пальто и прошла на кухню.

На столе стояли две чашки. Между ними лежала открытая коробка с печеньем.

— Ты приготовилась, — сказала она.

— Я не знала, придёшь ли ты. Но чай поставила.

— Конечно.

Елена села.

Мать включила электрический чайник, хотя вода в нём уже была горячей. Она делала это всякий раз, когда нервничала: нажимала кнопку, слушала гудение, потом выключала раньше времени.

— Ты разговаривала с Андреем Михайловичем? — спросила мать.

— Да.

— Он отдал тебе фотографии?

— Да.

Мать отвернулась к окну.

— Я просила его не торопиться.

— С чем?

— Со всем этим.

Елена положила ладони на стол.

— Mam, я больше не хочу угадывать. Ты сказала, что я уехала. Что домой вернулась не я. Что позволила мне вернуться. Объясни, что это значит.

Мать выключила чайник.

Несколько секунд она стояла неподвижно, глядя на собственное отражение в тёмном стекле.

— Тебе было девятнадцать, — начала она. — Ты тогда совсем изменилась. Стала молчаливой, раздражительной. Всё время читала какие-то книги, писала что-то в тетрадях. Я спрашивала, что ты там сочиняешь, а ты отвечала, что это не моё дело.

Елена почувствовала неожиданную нежность к той девочке.

— Это действительно было не твоё дело.

— Тогда мне так не казалось.

— Продолжай.

Мать налила чай. Рука у неё дрожала, и немного воды пролилось на блюдце.

— Ты хотела уехать. Я знала об этом.

— Откуда?

— Ты оставила билет на столе.

Елена нахмурилась.

— Я не оставляла билет на столе.

— Оставила. Возле телефона. Я увидела его утром.

— Но я купила билет вечером.

— Да.

— Значит, я вернулась домой.

Мать медленно покачала головой.

— Нет, Леночка. Я нашла билет на следующее утро.

— Что?

— Он лежал на столе. Вместе с запиской.

Елена почувствовала, как внутри что-то сжалось.

— С какой запиской?

Мать посмотрела на неё.

— Ты написала, что не можешь так больше жить. Что не хочешь, чтобы мы тебя искали.

Что тебе нужно время.

— Я этого не писала.

— Я видела твоим почерком.

— Покажи.

Мать встала и вышла из кухни.

Елена услышала, как открывается шкаф, потом выдвигается ящик. Послышался тихий стук, словно что-то упало на пол.

Через минуту мать вернулась с небольшой картонной коробкой.

Коробка была из-под обуви. На крышке сохранилась наклейка с названием магазина, которого давно не существовало. Елена помнила эту коробку: в детстве мать хранила в ней фотографии, открытки, старые квитанции и документы, которые боялась потерять.

Она поставила коробку на стол.

— Я никогда не выбрасывала твои вещи, — сказала мать.

Елена посмотрела на неё.

— Это я знаю.

— Нет, не знаешь.

Мать открыла крышку.

Сверху лежала пачка старых фотографий, перевязанная выцветшей лентой. Под ней — несколько конвертов, сложенные вчетверо листы бумаги и тонкая школьная тетрадь с потрёпанной обложкой.

Елена узнала тетрадь сразу.

На ней её рукой было написано: «Не открывать».

Она помнила эту надпись. Помнила, как выводила буквы красной ручкой, злясь на младшего двоюродного брата, который однажды прочитал её записи и потом несколько недель дразнил её выдуманными именами персонажей.

— Ты хранила это всё? — спросила она.

— Да.

— Зачем?

Мать посмотрела на коробку.

— Потому что однажды ты могла захотеть вспомнить.

Елена почувствовала, как по коже пробежали мурашки.

Она взяла верхний конверт.

Бумага пожелтела по краям. На лицевой стороне было написано её имя. Почерк принадлежал ей самой — это было очевидно даже спустя столько лет.

Внутри лежал сложенный лист.

Елена развернула его.

«Мам, прости, что не сказала тебе лично.

Я знаю, что ты будешь злиться. Наверное, ты решишь, что я неблагодарная. Но я больше не могу жить так, как будто вся моя жизнь уже расписана за меня.

Я не хочу выходить замуж только потому, что так спокойнее. Не хочу выбирать работу, которую одобряют родственники. Не хочу каждый день доказывать, что я хорошая дочь.

Я не знаю, что меня ждёт. Возможно, я вернусь через месяц. Возможно, через год. Но если я останусь сейчас, то однажды перестану понимать, кто я такая.

Не ищи меня.

Лена».

Елена дочитала до конца.

Потом перечитала.

Она не помнила, чтобы писала это письмо. Но почерк был её. Даже буква «д» в слове «дочь», которую она всегда писала с длинным хвостом, была именно такой.

— Это твоё? — спросила мать.

Елена подняла глаза.

— Да.

— Ты написала его за неделю до отъезда.

— Я не помню.

— Я знаю.

— Откуда ты знаешь?

Мать опустила на стул напротив.

— Потому что ты тогда вернулась совсем другой.

Елена положила письмо на стол.

— Ты всё время говоришь, что я вернулась. Но я ничего не помню. Я помню вокзал, билет, мужчину на скамейке. Помню, что сидела и ждала. А потом — пустота.

— Может быть, ты просто не хочешь вспоминать.

— Нет.

— Лена...

— Нет, мама. Не надо делать вид, будто я сама во всём виновата. Ты знаешь больше, чем говоришь.

Мать вздрогнула.

Елена редко повышала на неё голос. Даже теперь, когда мать могла быть причастна к чему-то, что переворачивало её жизнь, Елена чувствовала себя виноватой за каждое резкое слово.

Но она больше не хотела сглаживать углы.

Она устала быть человеком, который первым просит прощения, даже если не понимает, в чём провинился.

— Кто был тот мужчина? — спросила она. — На фотографии. В сером пальто.

Мать посмотрела на снимок.

И впервые за весь разговор её лицо изменилось.

Не просто побледнело. Оно словно потеряло опору. Губы приоткрылись, взгляд метнулся к двери, потом к окну.

— Где ты её взяла?

— Ты сама передала её через врача.

— Я не должна была.

— Кто он?

Мать встала и отошла к раковине.

— Это не имеет значения.

— Для меня имеет.

— Ты не понимаешь.

— Тогда объясни!

Голос Елены ударился о стены кухни и вернулся к ней чужим, слишком громким.

Мать закрыла кран, хотя вода не текла.

— Его звали Михаил.

Елена ждала.

— Михаил Серов, — добавила мать.

Фамилия ничего ей не сказала.

— Кто он был?

Мать сжала край раковины.

— Человек, которого твой отец очень боялся.

Елена нахмурилась.

— Мой отец никого не боялся.

— Ты была маленькой. Ты не знала его таким.

— А каким?

Мать обернулась.

— Он был способен на многое, когда считал, что защищает семью.

— Это не ответ.

— Другого у меня нет.

Елена поднялась.

— Ты понимаешь, как это звучит? Ты говоришь о человеке, который умер до моего рождения, будто он был рядом с нами всю жизнь. Ты хранишь фотографии, письма, какие-то документы. Ты говоришь, что я уехала, хотя я всю жизнь прожила в этом городе. А когда я спрашиваю, что произошло, ты отвечаешь, что я не понимаю.

Она замолчала, потому что вдруг поняла: мать действительно считает, что Елена не понимает.

Не притворяется. Не пытается обмануть. Она искренне верит, что есть вещи, которые дочери знать не следует.

И от этого становилось страшнее.

— Ты когда-нибудь задумывалась, что я тоже могу устать? — спросила Елена тише. — Что мне тоже может быть больно? Ты всю жизнь решала за меня, что я должна знать, а чего не должна. Даже сейчас ты не можешь просто сказать правду.

Мать смотрела на неё с таким выражением, словно услышала нечто давно ожидаемое.

— Я хотела, чтобы ты была счастлива.

Елена усмехнулась.

— Все так говорят.

— Потому что это правда.

— Нет, мама. Иногда люди говорят это, когда хотят, чтобы другие жили так, как им удобно. Иногда они называют любовью страх. Иногда они думают, что спасают человека, а на самом деле просто не могут смириться с тем, что он может уйти.

Мать отвернулась.

Елена увидела, как дрогнули её плечи.

И вдруг почувствовала стыд.

Она не хотела причинять матери боль. Не хотела быть жестокой. Но слишком часто в жизни Елена отказывалась от собственных слов только потому, что кто-то мог расстроиться.

В результате все вокруг оставались спокойными.

Кроме неё самой.

— Мам, — сказала она. — Я не хочу с тобой ссориться.

— Тогда не надо.

— Я хочу знать, что произошло той ночью.

Мать медленно повернулась.

— Ты уверена?

— Да.

— Даже если после этого ничего не будет как прежде?

Елена посмотрела на коробку с письмами.

Ей захотелось рассмеяться. Не потому, что вопрос был смешным, а потому, что жизнь уже давно перестала быть прежней. Она просто не замечала этого.

— Мам, я не знаю, как было прежде. Я даже не уверена, что помню собственное прошлое. Мать долго смотрела на неё.

Потом вернулась к столу, села и достала из коробки ещё один конверт.

Он был толще остальных. Бумага потемнела, края размокли от времени. На лицевой стороне не было имени.

Только дата.

23 октября 1993 года.

— Это письмо твоего отца, — сказала мать.

Елена не сразу протянула руку.

— Он написал его в ту ночь?

— Да.

— Кому?

Мать подняла на неё глаза.

— Мне.

— Почему оно здесь?

— Потому что я не смогла его отправить.

Елена взяла конверт.

Внутри оказался один лист бумаги, исписанный крупным, торопливым почерком отца.

Она узнала его сразу. Он всегда писал так, словно опаздывал. Даже поздравительные открытки подписывал на бегу, иногда забывая поставить дату.

Елена начала читать.

«Нина.

Если ты читаешь это письмо, значит, я не смог сделать то, что обещал.

Я хотел уберечь её. Думал, что если забрать её подальше, если дать ей другую жизнь, всё закончится. Но я ошибался.

Она не должна была возвращаться.

Я знаю, что ты меня возненавидишь. Наверное, я заслужил это. Но прошу тебя об одном: не говори ей о Михаиле. Не рассказывай, что произошло на станции. Пусть она живёт так, словно ничего не случилось.

Пусть она будет счастлива хотя бы в той жизни, которую сможет помнить.

Прости меня.

А.»

Елена перечитала письмо.

Потом ещё раз.

Она не заметила, как села.

За окном шумели машины. На кухне тикали часы. Где-то в глубине квартиры работал холодильник, издавая привычное низкое гудение.

Елена смотрела на последнюю строку.

Пусть она живёт так, словно ничего не случилось.

Она подняла голову.

— Мам, что случилось на станции?

Мать закрыла лицо руками.

— Я не знаю, как тебе это рассказать.

— Попробуй.

— Твой отец уехал в ту ночь.

Елена замерла.

— Куда?

— Он сказал, что должен кое-что исправить.

— Что именно?

— Он не объяснил.

— И больше не вернулся?

Мать покачала головой.

— Вернулся.

Елена почувствовала, как по спине пробежал холод.

— Когда?

— Через три дня.

— Но он умер, когда мне было двенадцать.

— Да.

— Тогда почему...

Она не закончила фразу.

Мать посмотрела на неё.

— Потому что он вернулся другим человеком, Леночка.

В кухне стало очень тихо.

Елена вдруг вспомнила отца таким, каким видела его в последние годы жизни. Он часто просыпался по ночам, выходил на балкон и подолгу стоял там в темноте. Иногда забывал, куда положил очки, хотя держал их в руке. Иногда смотрел на Елену так, словно хотел что-то сказать, но не мог подобрать слов.

Она тогда думала, что он просто устал.

Что работа, возраст, болезни делают людей немного другими.

Однажды, когда ей было десять, отец пришёл домой с маленькой деревянной шкатулкой.

Поставил её на стол, позвал Елену и сказал:

«Если когда-нибудь тебе покажется, что ты не помнишь чего-то важного, не пытайся вспомнить силой. Некоторые двери открываются только с другой стороны».

Она рассмеялась, потому что решила, что это очередная странная отцовская поговорка.

На следующий день шкатулка исчезла.

Елена спросила, куда он её дел, но отец ответил, что никакой шкатулки не было.

Она больше не возвращалась к этому разговору.

До сегодняшнего дня.

— Где он был эти три дня? — спросила Елена.

Мать покачала головой.

— Не знаю.

— Ты не спрашивала?

— Спрашивала. Он сказал, что не помнит.

— И ты ему поверила?

Мать посмотрела на неё с неожиданной горечью.

— Я хотела ему поверить.

Эти слова прозвучали честнее всего, что Елена услышала за последние несколько часов.

Она вдруг поняла, что мать тоже жила в неизвестности. Что, возможно, она годами пыталась убедить себя в правильности решений, которые принимала из страха. Что любовь не всегда делает человека смелым. Иногда она просто заставляет его крепче держаться за то, что осталось.

— Почему ты не рассказала мне раньше? — спросила Елена.

Мать долго молчала.

Потом ответила:

— Потому что ты была счастлива.

Елена хотела возразить.

Хотела сказать, что счастье не выглядит так, как её жизнь. Что она давно не чувствует себя счастливой, что устала, что иногда ей хочется сесть в машину и ехать до тех пор, пока не кончится дорога.

Но вдруг поняла, что не знает, что именно означает это слово.

Может быть, мать действительно считала её счастливой. Елена вышла замуж, родила дочь, получила стабильную работу. Она не пила, не пропадала, не попадала в неприятности. Она помогала родным, вовремя платила счета, приезжала на праздники.

В глазах матери это и было счастье.

А может быть, она просто боялась увидеть, что дочь живёт иначе.

— Мам, — сказала Елена. — Ты помнишь, как я выглядела, когда вернулась?

Мать медленно кивнула.

— Помню.

— Расскажи.

Она долго не отвечала.

Потом произнесла:

— Ты была мокрая. Вся в грязи. Пальто порвано, на руках кровь. Ты стояла в дверях и смотрела на меня так, будто никогда раньше меня не видела.

Елена почувствовала, как сжалось горло.

— Что я сказала?

— Ты спросила, где ты.

— И что ты ответила?

— Что дома.

Елена смотрела на мать, не моргая.

— А потом?

— Ты начала плакать. Сильно. Я никогда не слышала, чтобы ты так плакала.

— Я помнила, кто я?

Мать закрыла глаза.

— Нет.

Внутри Елены словно что-то оборвалось.

Она медленно отодвинула чашку.

— Ты хочешь сказать, что я потеряла память?

— Я не знаю, что с тобой произошло. Врачи тоже не знали. Ты помнила своё имя, возраст, школу, друзей. Но иногда не узнавала собственную комнату. Не помнила, что ела утром. Спрашивала, почему отец не приходит домой, хотя он сидел рядом с тобой.

— Сколько это продолжалось?

— Несколько недель. Потом стало лучше.

— И ты никогда не обращалась в полицию?

— Обращалась. Мы искали тебя.

Елена резко подняла голову.

— Меня?

— Да.

— Но я же была дома.

— Первые три дня тебя не было.

Елена перестала дышать.

Мать продолжала говорить, но слова словно доносились издалека.

— Твой отец вернулся один. Он сказал, что не смог тебя найти. Потом через несколько часов ты появилась у нас на пороге. Мы вызвали врача. Ты почти ничего не могла объяснить. Говорила, что была на вокзале, что слышала поезд, что кто-то звал тебя по имени.

— Кто?

— Не знаю.

— А Михаил?

Мать вздрогнула.

— Не произноси его имя.

— Почему?

— Потому что он не должен был тебя знать.

Елена почувствовала, как в груди поднимается волна паники.

— Что это значит?

Мать схватила её за руку.

— Послушай меня. Я не знаю, что тебе рассказали. Не знаю, какие фотографии ты нашла и что именно ты помнишь. Но если ты хочешь жить спокойно, не ищи его.

Елена высвободила руку.

— Он умер до моего рождения.

Мать посмотрела на неё.

— Кто тебе это сказал?

— Врач.

— Андрей Михайлович не должен был этого говорить.

— Значит, это правда?

Мать молчала.

Елена встала и отошла к окну.

Во дворе двое мальчишек гоняли мяч по мокрому асфальту. Один поскользнулся, упал, вскочил и побежал дальше. На балконе соседнего дома женщина вытряхивала коврик.

Мир продолжал жить.

Елена подумала о том, как странно устроена человеческая память. Она могла вспомнить запах отцовского одеколona, звук его шагов в коридоре, шершавую ткань его куртки. Могла до мелочей воспроизвести день, когда он научил её ездить на велосипеде. Но три дня собственной жизни, которые, судя по всему, изменили всё, исчезли бесследно.

И никто не счёл нужным рассказать ей правду.

— Мам, — сказала она, не оборачиваясь. — Я хочу увидеть отцовские вещи.

— Зачем?

— Потому что ты не расскажешь мне всего. А вещи, возможно, расскажут.

Мать долго молчала.

Потом встала, подошла к шкафу в коридоре и достала с верхней полки небольшую деревянную шкатулку.

Елена узнала её сразу.

Тёмное дерево, потёртые углы, маленькая латунная застёжка.

Та самая шкатулка, которую отец принёс домой, когда ей было десять лет.

Мать поставила её на стол.

— Я хотела выбросить её много раз, — сказала она. — Но не смогла.

Елена осторожно открыла крышку.

Внутри лежали часы, несколько старых монет, пожелтевший билет на поезд и фотография, на которой она никогда не была.

На снимке стояла девушка лет двадцати. Она была похожа на Елену настолько, что на мгновение у той потемнело в глазах.

Та же линия подбородка. Те же глаза. Та же родинка возле губы.

Только девушка выглядела старше.

Значительно старше.

На обороте фотографии было написано:

«Елена. Октябрь 1993 года. Вторая попытка».

Елена медленно перевернула снимок.

— Мам, кто это?

Мать посмотрела на фотографию.

И впервые за весь день не стала отрицать, что знает ответ.

— Это ты, — прошептала она.

— Но мне здесь не девятнадцать.

— Нет.

Елена снова посмотрела на лицо девушки.

На ней было длинное пальто, волосы собраны на затылке. Она стояла возле железнодорожного вагона и смотрела прямо в камеру.

На заднем плане виднелся мужчина в сером пальто.

Михаил Серов.

Елена перевернула фотографию ещё раз.

Под надписью «Вторая попытка» мелким почерком было добавлено:

«Если в этот раз она вернётся, не позволяй ей вспомнить».

Елена подняла глаза.

— Сколько раз это происходило?

Мать не ответила.

— Мам, сколько раз я уезжала?

В коридоре раздался звонок телефона.

Мать вздрогнула, словно звук ударил её физически. Она посмотрела на аппарат, стоявший на тумбочке, и медленно пошла к нему.

— Не бери, — сказала Елена.

Но мать уже подняла трубку.

— Да?

Елена наблюдала за её лицом.

Сначала мать выглядела растерянной. Потом побледнела. Её губы шевельнулись, но ни одного слова не прозвучало.

— Нет, — наконец сказала она. — Она здесь.

Елена почувствовала, как похолодели пальцы.

Мать слушала ещё несколько секунд.

Потом медленно повернулась к дочери.

— Хорошо, — прошептала она. — Я поняла.

Она положила трубку.

— Кто звонил? — спросила Елена.

Мать не ответила.

— Кто?

— Андрей Михайлович.

— Что он хотел?

Мать посмотрела на шкатулку, на фотографию, на письмо отца.

— Он сказал, что ты должна немедленно уехать из города.

Елена рассмеялась. Коротко, нервно.

— Почему?

Мать подошла к ней и взяла за обе руки.

— Потому что сегодня утром в архиве нашли запись о твоей смерти.

Елена перестала смеяться.

— Что?

— В документах указано, что ты погибла двадцать третьего октября девяносто третьего года. На железнодорожной станции. Тебе было девятнадцать лет.

Елена смотрела на мать, не в силах произнести ни слова.

— Это ошибка, — наконец сказала она.

— Я тоже так думала.

— Я жива.

— Я знаю.

— Я стою перед тобой.

— Я знаю, Леночка.

Мать заплакала.

— Но если запись настоящая, значит, кто-то всё это время жил вместо тебя.

Елена медленно опустилась на стул.

Перед глазами вспыхнула фотография. Молодая женщина возле вагона. Мужчина в сером пальто. Письмо отца. Слова матери о том, что домой вернулась не она.

И вдруг она вспомнила.

Не всё. Не целую картину.

Только звук.

Грохот колёс.

Холодный металл поручня под ладонью.

Чужой голос, произносящий её имя.

И ещё одну фразу, сказанную кем-то совсем рядом:

«Не смотри назад. Если увидишь себя, не возвращайся».

Елена закрыла глаза.

Когда она открыла их, мать стояла перед ней на коленях, сжимая её руки.

— Прости меня, — повторяла она. — Прости, что я позволила тебе остаться.

Елена смотрела на неё и вдруг поняла, что больше всего на свете хочет задать один вопрос.

Не о Михаиле.

Не об отце.

Не о фотографиях и записях в архивах.

Она хотела спросить то, что боялась спросить всю жизнь.

— Мам, — произнесла она. — А ты любила меня?

Мать замерла.

И в этой тишине Елена впервые поняла, что иногда самый страшный вопрос — не тот, на который невозможно ответить.

А тот, на который человек отвечает слишком поздно.

Вечером Елена вернулась домой.

Муж встретил её на кухне. На столе стояла тарелка с разогретым супом, рядом лежал кусок хлеба.

— Ты где была? — спросил он.

— У мамы.

— Могла бы предупредить. Я звонил.

Елена сняла пальто.

— Прости.

Он посмотрел на неё внимательнее.

— Ты плакала?

— Немного.

— Что случилось?

Она хотела рассказать.

Хотела сесть напротив него и выложить на стол всё, что узнала за этот день. Спросить, помнит ли он, как познакомились. Помнит ли их первую поездку за город. Помнит ли, что она любила писать рассказы, что мечтала уехать, что однажды купила билет и не воспользовалась им.

Но потом посмотрела на его лицо и поняла, что не знает, кто он для неё.

Мужчина, с которым она прожила двадцать лет.

Человек, которому доверяла собственное тело, собственные страхи, собственные тайны.

Или просто тот, с кем она однажды согласилась прожить жизнь, которую теперь не могла вспомнить.

— Ничего, — сказала она. — Просто устала.

Он кивнул.

— Тогда поешь и ложись.

Елена села за стол.

Она ела медленно, почти не чувствуя вкуса. Муж рассказывал о работе, о том, что в субботу нужно съездить за зимними шинами, что сосед опять поставил машину на чужое место, что по телевизору показывали какую-то ерунду.

Елена слушала.

Иногда кивала.

Иногда улыбалась.

Всё было так же, как вчера.

Но теперь она знала, что привычная жизнь может оказаться всего лишь декорацией, за которой скрывается что-то гораздо более страшное.

Когда муж ушёл в комнату, она достала телефон и открыла заметки.

Написала:

«Меня зовут Елена. Мне сорок два года. Я замужем. У меня есть дочь. Я работаю ночным диспетчером. Я живу в этом городе».

Она перечитала написанное.

Потом добавила:

«Двадцать третьего октября 1993 года я уехала на поезде».

Остановилась.

И дописала:

«Я не знаю, кто вернулся вместо меня».

Она сохранила заметку и положила телефон на тумбочку.

В спальне было темно. Муж уже спал, отвернувшись к стене. За окном гудел ветер, где-то далеко сигнализировал поезд.

Елена закрыла глаза.

И услышала голос.

Тот самый голос, который звонил ей ночью.

Женский, усталый, почти безразличный.

— Ты ведь тоже когда-то собиралась уехать.

Елена открыла глаза.

Телефон лежал на тумбочке.

Экран был выключен.

Но из динамика продолжал звучать голос.

— В этот раз не возвращайся, Лена.

Потом раздался тихий щелчок.

И наступила тишина.

Елена медленно села на кровати.

Она посмотрела на мужа.

Он спал.

Посмотрела на телефон.

Он был выключен.

И только тогда заметила, что на её ладони лежит маленький железнодорожный билет.

Старый, пожелтевший, с выцветшими буквами.

На нём было напечатано:

23 октября 1993 года.

Отправление — 22:40.

А под временем отправления стояла другая дата.

Та, которой ещё не было.

23 октября 2026 года.

Глава третья. Билет в один конец

Всю ночь Елена просидела на кухне.

Она не включала свет. Только время от времени загорался экран телефона, когда приходило очередное уведомление, и на несколько секунд освещал стол, чашку с недопитым чаем и старый железнодорожный билет.

В половине первого написал начальник смены. В час ночи пришло сообщение от дочери с фотографией какого-то блюда и подписью: «Мам, смотри, чему я научилась». В два двадцать семь муж прислал из спальни короткое сообщение: «Ты где?»

Елена никому не ответила.

Она разглядывала билет.

Бумага была тонкой, почти прозрачной на сгибах. По краям виднелись тёмные пятна, словно билет долго пролежал в кармане влажного пальто. На обороте кто-то поставил печать, но разобрать надпись не удавалось.

Елена несколько раз фотографировала его телефоном, увеличивала изображение, искала в интернете старые образцы железнодорожных билетов. Ничего похожего найти не удалось. Некоторые элементы напоминали билеты начала девяностых, другие выглядели так, словно были напечатаны совсем недавно.

Но больше всего её пугала дата.

Двадцать третье октября 2026 года.

До этой даты оставалось меньше двух недель.

Она попробовала убедить себя, что всё происходящее имеет разумное объяснение. Кто-то нашёл старую фотографию, узнал её имя, решил устроить странную шутку. Возможно, это связано с семейной историей, о которой она ничего не знала. Возможно, мать и Андрей Михайлович действительно что-то скрывали, но никакой мистики здесь нет.

Люди способны на гораздо более странные вещи, чем кажется.

Елена знала это по работе. Иногда самые невероятные истории оказывались правдой, а самые убедительные объяснения рассыпались после первого же уточняющего вопроса.

Но как объяснить билет, который появился на её ладони в запертой спальне?

Она провела пальцем по краю бумаги.

И вдруг заметила, что на билете есть ещё одна надпись.

Мелкая, почти стёртая.

Елена поднесла его к настольной лампе и прочитала:

«Пассажир: Елена Андреевна Воронцова».

Она никогда не была Воронцовой.

Её фамилия была другой.

Фамилию мужа она носила двадцать лет, а до замужества была Крыловой. Воронцова — это фамилия отца, которую она не использовала даже в детстве. В документах всегда значилась фамилия матери.

Елена положила билет на стол.

Потом открыла приложение с документами и проверила собственное свидетельство о рождении, сохранённое в телефоне. Она редко туда заглядывала, но однажды сфотографировала документ, чтобы не искать его перед оформлением загранпаспорта.

В графе «Фамилия» стояло: Крылова.

В графе «Имя» — Елена.

В графе «Отчество» — Андреевна.

Всё совпадало.

Она снова посмотрела на билет.

Воронцова.

Фамилия, которую она никогда не носила.

И всё же, когда Елена произнесла её вслух, ей показалось, что она уже слышала это имя.

Не недавно. Не в детстве.

Где-то гораздо раньше.

— Воронцова, — прошептала она.

Слово отозвалось в голове неприятным звоном.

Она закрыла глаза.

На секунду ей показалось, что перед ней открывается дверь в длинный коридор. На стенах висели фотографии в одинаковых рамках. За одной из дверей кто-то смеялся, за другой плакал ребёнок. В самом конце коридора стояла женщина в белой блузке и смотрела на Елену так, словно ждала её уже очень давно.

Потом видение исчезло.

Елена резко открыла глаза.

Сердце билось так сильно, что она приложила ладонь к груди.

«Я не сплю», — сказала она себе.

И всё же впервые за много лет ей стало страшно оставаться наедине с собственной памятью.

В шесть утра она разбудила мужа.

— Мне нужно съездить в архив.

Он приоткрыл один глаз.

— Сейчас?

— Да.

— Лен, шесть утра.

— Я знаю.

Он перевернулся на другой бок.

— Что случилось?

Елена стояла возле кровати в джинсах и свитере, держа в руке билет. Она почти не спала, не завтракала и не могла перестать думать о том, что её жизнь, возможно, была построена на чужой ошибке.

— Мне нужно кое-что проверить.

— Что?

Она посмотрела на него.

В этот момент ей очень захотелось сказать правду. Не потому, что он обязательно поверит, а потому, что она устала носить всё в себе. Ей хотелось хотя бы раз произнести вслух то, что не укладывалось в привычные рамки.

— Мне кажется, я не та, за кого себя принимаю.

Муж открыл глаза.

Некоторое время он смотрел на неё молча.

— Ты заболела?

Елена почувствовала, как внутри поднимается раздражение.

— Нет.

— Тогда что ты несёшь?

Она отвернулась.

Вот и всё. Несколько секунд — и разговор закончился. Не потому, что он не любил её, а потому, что не знал, что делать с тем, что услышал.

Муж сел на кровати, потёр лицо ладонями.

— Лен, я не знаю, что у тебя происходит, но ты в последнее время сама на себя не похожа. Ты почти не спишь, постоянно куда-то едешь, разговариваешь загадками. Может, тебе стоит взять выходной? Сходить к врачу?

— Я уже была у врача.

— У какого?

— Неважно.

Он вздохнул.

— Вот видишь? Ты даже нормально объяснить ничего не можешь.

Елена сжала билет в ладони.

Она могла бы возразить, что именно в этом и заключается проблема. Что она не может объяснить, потому что не знает, что произошло. Что ей страшно, что она теряет контроль над собственной жизнью, а человек, с которым она прожила двадцать лет, не может предложить ничего, кроме совета выспаться.

Но она не сказала этого.

— Я вернусь вечером, — произнесла она.

Муж покачал головой.

— Как хочешь.

Она вышла из спальни, надела пальто и остановилась у зеркала в прихожей.

На неё смотрела женщина с бледным лицом, тёмными кругами под глазами и волосами, которые она собрала в небрежный узел. Ничего особенного. Самая обычная женщина, каких тысячи в любом городе.

Елена вдруг подумала, что если бы увидела такую женщину в автобусе, то никогда бы не предположила, что та может оказаться в центре чего-то необыкновенного.

Возможно, именно поэтому люди так долго не замечают, когда с ними происходит что-то страшное.

Потому что страшное редко приходит в жизнь в подходящей одежде.

Городской архив располагался в старом двухэтажном здании возле библиотеки. Когда-то здесь находилась контора строительного управления, потом районная администрация, а в конце девяностых помещения передали под архив.

Елена была здесь всего один раз — много лет назад, когда оформляла документы на квартиру матери. Она помнила узкие коридоры, деревянные шкафы и женщину в очках, которая говорила так тихо, что приходилось наклоняться к ней через стол.

Теперь за стойкой сидел молодой мужчина с короткой стрижкой.

— Доброе утро. Чем могу помочь?

— Мне нужна информация о железнодорожной станции за октябрь девяносто третьего года. И ещё сведения о человеке, который, возможно, погиб двадцать третьего октября.

Мужчина поднял голову.

— Вы родственница?

— Возможно.

Он посмотрел на неё внимательнее.

— Фамилия?

Елена помедлила.

— Крылова. Елена Андреевна.

Мужчина начал печатать.

— Год рождения?

— Тысяча девятьсот семьдесят четвёртый.

Он продолжал смотреть в экран.

Потом нахмурился.

— Подождите.

Елена почувствовала, как напряглись плечи.

— Что?

Мужчина нажал несколько клавиш, открыл ещё одно окно.

— Вы уверены, что год рождения тысяча девятьсот семьдесят четвёртый?

— Да.

— А фамилия при рождении?

— Крылова.

Он снова посмотрел на экран.

— Странно.

— Что странно?

— У нас есть запись о человеке с таким именем.

Елена почувствовала, как похолодели ладони.

— О каком человеке?

Мужчина повернул монитор чуть в сторону, словно хотел проверить, видит ли она его лицо.

— Елена Андреевна Воронцова. Дата рождения — двадцать третье октября тысяча девятьсот девяносто третьего года.

Елена не сразу поняла услышанное.

— Что?

— Запись о рождении. Женщина. Имя совпадает, отчество совпадает, фамилия другая. Дата рождения — двадцать третье октября девяносто третьего года.

— Но это невозможно.

Мужчина пожал плечами.

— Я просто показываю, что есть в базе.

Елена смотрела на экран.

В строке стояло имя, напечатанное чёрным шрифтом. Рядом — дата рождения. Ниже — номер архивного дела.

Двадцать третье октября 1993 года.

Дата, которая теперь преследовала её повсюду.

— Можно посмотреть документ? — спросила она.

— Нужно оформить запрос.

— Сколько это займёт?

— Зависит от загруженности архива.

— А если срочно?

Мужчина посмотрел на неё с лёгким раздражением.

— У нас все хотят срочно.

Елена достала паспорт.

— Пожалуйста. Мне нужно только понять, что это за запись.

Он вздохнул, взял документ и начал заполнять форму.

Пока он печатал, Елена рассматривала стену за его спиной. Там висели старые фотографии города: центральная улица, площадь, здание вокзала, которое давно перестроили.

Она подошла ближе.

На одной фотографии был изображён перрон.

Снимок был сделан зимой. На переднем плане стояли несколько человек, на заднем — поезд с тёмными окнами.

Елена узнала мужчину в сером пальто.

Он стоял у двери вагона, держа руку на металлической ручке.

Даже на старой фотографии его лицо было размытым.

Но взгляд...

Елена не успела рассмотреть его как следует, потому что мужчина за стойкой позвал её.
— Елена Андреевна, подойдите, пожалуйста.

Она вернулась.

— Вот. Я нашёл дело, но оно не оцифровано. Нужно заказать бумажный экземпляр.

— А что в нём?

— Здесь не указано. Только регистрационный номер и пометка.

— Какая пометка?

Он прочитал с экрана:

— «Повторная регистрация. Основание не установлено».

Елена почувствовала, как внутри всё сжалось.

— Повторная регистрация чего?

— Рождения.

Она долго молчала.

Потом спросила:

— А можно узнать, кто подал заявление?

Мужчина снова начал печатать.

— Заявление подавал мужчина. Андрей Воронцов.

Елена закрыла глаза.

Отец.

Её отец.

Но если он подавал заявление о рождении ребёнка двадцать третьего октября 1993 года, то как это могло произойти, если Елена родилась в 1974-м?

— Можно увидеть подпись?

— В бумажном деле.

— Тогда оформляйте запрос.

Мужчина кивнул.

— Хорошо. Но сегодня вряд ли получится.

— Я подожду.

— Это может занять несколько часов.

— Я подожду.

Он пожал плечами и ушёл в служебное помещение.

Елена осталась одна.

Она подошла к стене и снова посмотрела на фотографию вокзала.

Теперь ей казалось, что мужчина в сером пальто не просто стоит возле вагона. Он ждёт кого-то.

Кого-то, кто должен появиться.

Или кого-то, кто уже появился.

Елена достала телефон и сфотографировала снимок.

Потом открыла контакты и нашла номер Андрея Михайловича.

Она позвонила.

Он ответил почти сразу.

— Елена Сергеевна?

— Я в архиве.

— Зачем?

— Нашла запись о рождении. Елена Андреевна Воронцова. Двадцать третье октября девяносто третьего года. Вы знаете об этом?

На другом конце провода стало тихо.

— Елена Сергеевна, вам не следовало туда идти.

— Почему?

— Потому что некоторые документы не отражают того, что произошло на самом деле.

— А что отражают?

— То, что кто-то хотел оставить после себя.

Елена сжала телефон.

— Кто?

— Ваш отец.

— Он умер много лет назад.

— Да.

— Тогда как он мог подать заявление о рождении ребёнка в девяносто третьем году?

Андрей Михайлович не ответил сразу.

Когда он заговорил, голос его стал тише.

— Потому что он пытался исправить ошибку.

— Какую ошибку?

— Ту, которую совершил двадцать три года назад.

Елена почувствовала, что больше не может стоять.

Она опустилась на стул возле стены.

— Вы говорите загадками. Мне нужно знать правду.

— Я понимаю.

— Нет, не понимаете. Я не помню три дня своей жизни. Я нахожу фотографии, на которых стою рядом с человеком, умершим до моего рождения. Я получаю билет на поезд с датой, которой ещё не было. Теперь я узнаю, что мой отец зарегистрировал моё рождение через девятнадцать лет после того, как я появилась на свет. И вы всё время говорите, что мне не следует задавать вопросы.

— Потому что я боюсь за вас.

— Чего?

Он долго молчал.

Потом произнёс:

— Того, что вы вспомните.

Связь оборвалась.

Елена посмотрела на телефон.

Впервые за много лет ей захотелось разбить что-нибудь о стену.

Не потому, что она злилась на Андрея Михайловича. И даже не потому, что боялась происходящего.

Ей было невыносимо оттого, что все вокруг словно договорились между собой: она должна жить, ничего не зная о собственной жизни.

Она поднялась и подошла к стойке.

— Сколько ещё ждать?

Молодой мужчина выглянул из служебного помещения.

— Елена Андреевна, я сейчас принесу дело.

Через несколько минут он вернулся с толстой папкой в серой обложке.

На ней стоял штамп архива и номер.

Мужчина положил папку на стол.

— Только, пожалуйста, ничего не вынимайте и не фотографируйте со вспышкой. Документы старые.

Елена кивнула.

Она открыла папку.

Внутри лежали копии заявлений, выписки из журналов, несколько листов с печатями и старая фотография, прикреплённая скрепкой к последней странице.

На снимке была молодая женщина в больничной палате.

Она лежала на кровати, укрытая белой простынёй. Рядом стоял мужчина в сером пальто. Женщина была похожа на Елену.

Но на этот раз сходство было не просто поразительным.

Это была она сама.

Те же глаза, тот же нос, та же родинка возле губы.

Только лицо было моложе, а на шее виднелся небольшой шрам, которого у Елены никогда не было.

Она перевернула фотографию.

На обороте стояла надпись:

«Елена Андреевна Воронцова. Родилась 23 октября 1993 года. Повторная регистрация по распоряжению Андрея Воронцова».

Елена посмотрела на дату.

Потом на женщину на снимке.

Потом снова на дату.

В голове вспыхнуло воспоминание.

Не целое событие, не законченная сцена, а отдельный фрагмент: больничная палата, запах лекарств, свет из окна, чьи-то пальцы, сжимающие её руку.

И голос.

Мужской.

Усталый.

— Ты должна будешь вернуться, Лена. Даже если не вспомнишь, кто ты.

Елена резко отшатнулась от стола.

Папка с глухим звуком упала на пол.

Молодой мужчина вскочил.

— Что случилось?

Елена не ответила.

Она смотрела на фотографию, которая лежала лицом вверх.

И вдруг поняла, что не боится больше.

Ей было страшно, но страх оказался другим. Не парализующим, не заставляющим прятаться под одеяло или звонить матери.

Это был страх человека, который стоит перед закрытой дверью и понимает, что за ней находится не чудовище.

За ней находится правда.

И как бы ужасна она ни была, дальше жить, не открыв эту дверь, уже невозможно.

В половине шестого вечера Елена вышла из архива.

Небо потемнело, на улице моросил дождь. Она шла медленно, держа папку под пальто, и почти не замечала холода.

На перекрёстке загорелся красный свет.

Елена остановилась.

Рядом стоял мужчина с большим чёрным зонтом. На нём было серое пальто и тёмная шапка.

Она не сразу повернула голову.

Сначала почувствовала запах.

Сухой табак. Мокрая шерсть. Что-то горькое, напоминающее старые деревянные шкафы.

Потом услышала голос.

— Вы всё-таки пришли.

Елена медленно посмотрела на мужчину.

Лицо было незнакомым.

Молодое, лет тридцати пяти. Чёткие скулы, светлые глаза, тонкий шрам возле виска.

Но пальто...

Пальто было тем самым.

Она почувствовала, как пересохло во рту.

— Кто вы?

Мужчина посмотрел на неё с выражением почти искренней печали.

— Вы не помните меня.

Это прозвучало не как вопрос.

— Нет.

Он кивнул, будто ожидал именно такого ответа.

— Ничего. В этот раз у нас есть время.

Елена крепче прижала папку к груди.

— Что значит «в этот раз»?

Мужчина посмотрел на светофор.

Загорелся зелёный.

Люди вокруг начали переходить дорогу. Кто-то толкнул Елену плечом, пробормотал извинение и побежал дальше.

Мужчина остался стоять.

— У вас есть билет? — спросил он.

Елена молчала.

— Он у вас, верно?

Она не хотела отвечать.

Но рука сама потянулась к карману пальто.

Билет был на месте.

Мужчина заметил её движение и едва заметно улыбнулся.

— Тогда встретимся двадцать третьего октября.

— Где?

— На вокзале.

— Зачем?

Он посмотрел ей прямо в глаза.

— Чтобы вы наконец решили, кто из вас должен остаться.

Елена почувствовала, как холодеют пальцы.

— Кто из нас?

Мужчина сделал шаг назад.

— Вы слишком долго жили чужой жизнью, Лена.

— Я не понимаю.

— Понимание придёт.

Он развернулся и пошёл вдоль улицы.

Елена хотела броситься за ним, схватить за рукав, заставить остановиться. Но ноги словно приросли к асфальту.

Через несколько секунд мужчина растворился в толпе.

Она осталась стоять посреди тротуара, сжимая под пальто старую папку.

И вдруг поняла, что всё это время задавала неправильный вопрос.

Она спрашивала, кто вернулся вместо неё.

Но, возможно, всё было гораздо страшнее.

Возможно, домой действительно вернулась она.

Просто не та, которая уехала.

Вечером Елена пришла домой и сразу прошла в спальню.

Муж сидел на кровати с телефоном в руках.

— Ты где пропадала? Я тебе звонил раз десять.

— В архиве.

— В каком ещё архиве?

— В городском.

Он отложил телефон.

— Лена, давай серьёзно. Что происходит?

Она посмотрела на него.

Ей хотелось ответить честно.

Но вместо этого она спросила:

— Ты помнишь, как мы познакомились?

Муж нахмурился.

— Что?

— Как мы познакомились.

— Конечно, помню. На дне рождения у Сергея.

— В каком году?

Он раздражённо усмехнулся.

— Ты издеваешься?

— Просто ответь.

Он посмотрел на неё внимательнее.

— В две тысячи первом. А что?

Елена медленно кивнула.

Она познакомилась с мужем в две тысячи первом году.

Вышла за него замуж в две тысячи третьем.

Родила дочь в две тысячи четвёртом.

Всё было правильно.

Всё сходилось.

Кроме одного.

Она вдруг поняла, что не помнит, что делала в две тысячи втором году.

Не помнит свадьбу подруги, на которой, судя по фотографиям, была. Не помнит, как выбирала платье на собственную свадьбу. Не помнит, что чувствовала, когда впервые увидела положительный тест на беременность.

Она знала, что эти события происходили.

Но воспоминания о них были похожи на фотографии в семейном альбоме: лица, места, даты. Никакого ощущения, что всё это действительно случилось с ней.

— Лен? — позвал муж.

Она посмотрела на него.

— Ты любил меня, когда мы познакомились?

Он растерялся.

— Конечно.

— Почему?

— Что за вопросы?

— Мне просто интересно.

Он помолчал.

— Ты была красивая. Весёлая. С тобой было легко.

Елена кивнула.

— А сейчас?

Муж отвёл взгляд.

И этой секунды оказалось достаточно.

Не для того, чтобы понять, что он её не любит.

Она не могла знать этого наверняка.

Но чтобы понять, что они оба давно перестали задавать друг другу вопросы, ответы на которые могли оказаться неудобными.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.